

Азарий Плисецкий: «Балет - это диагноз» | Azari Plissetski: "Le ballet c'est un diagnostique"

Автор: Надежда Сикорская, [Лозанна](#) , 26.05.2010.

Азарий Плисецкий за любимым делом - в классе (© NG.ch)

На этой неделе в Лозанне начнутся спектакли Балета Бежара. Среди тех, кто «приложил к ним руку», замечательный хореограф и педагог Азарий Михайлович Плисецкий, с которым мы сегодня с огромным удовольствием знакомим наших читателей.

|
Cette semaine le public pourra admirer les ballets de Béjart. Parmi ceux qui ont contribué à leur création on retrouve notre compatriote, le célèbre chorégraphe Azari Plissetski.
Azari Plissetski: "Le ballet c'est un diagnostique"

Здание школы Балета Бежара «Рудра» расположено на тихой лозаннской улице Presbytère, в нескольких метрах от Театра Болье, основной площадки труппы. Войдя сюда, сразу хочется подтянуть и втянуть все, что еще подтягивается и втягивается, поднять голову, выпрямить спину, расправить плечи, встать в третью балетную позицию и ... сделать па. Желание усиливается, когда навстречу летящей походкой и с очень прямой спиной выходит юный и улыбающийся Азарий Плисецкий – ну, очень хочется соответствовать!

О существовании Азария Плисецкого я знала давно, с детства, о том, что он живет в Швейцарии, узнала несколько лет назад и все собиралась позвонить, но, как обычно, дела, суета... И вот недавно наши пути, наконец, пересеклись – не среди чудного бала, но вполне случайно, и у меня сразу создалось впечатление, что я знаю его всю жизнь, ведь масса общих знакомых обнаружилась сразу в трех поколениях.

"Темная ночь" в исполнении Азария Плисецкого (© NG.ch)

Мы договорились встретиться еще – для серьезного разговора. Который вскоре состоится, причем в трех «актах»: увертюра – в классе Школы Рудра, первый акт – в ресторане Лозаннской политехнической школы (EPFL, где преподает супруга Азария Плисецкого «Любочка», доктор наук, профессор химии Любовь Киви-Минскер), а второй – в их уютном доме на берегу озера, с небольшим садом, в котором аккуратные грядки с зеленью, кусты малины и смородины. Одним словом, дача.

Из «декораций» - гитара и пианино, которое не замедлило «выстрелить»: Азарий Михайлович присел к нему и задушевно наиграл «Темную ночь». После чего разговор продолжился.

Наша газета.ch: Азарий Михайлович, давайте сразу избавимся от вопроса, который неизбежен и который, Вам, наверное, уже тысячи раз задавали. Итак, не надоело ли Вам быть «братом Майи Плисецкой», не напрягает ли это Вас?

Азарий Плисецкий: Братом быть не надоело, но напрягать – напрягает. Пожалуй, лучше всех меня понял Тед Кеннеди. Мы встретились на вечеринке у коллекционера Костаки, в Москве. Теду тогда было 27 лет, совсем молодой сенатор. Вошел я, и меня представляют – вот, мол, артист балета, брат Майи Плисецкой. Тед сразу поднялся, пригласил сесть рядом с собой, похлопал по плечу и сказал: «Это наша участь – всю жизнь быть братьями».

Из автобиографии Майи Михайловны известно, что Вы появились на свет в трагических обстоятельствах – год Вашего рождения, страшный 1937, это и год расстрела Вашего отца, возглавлявшего с 1932 года советскую угольную концессию на острове Шпицберген.

С мамой, Майей и Аликом (из личного архива)

Да, советская власть удовлетворила последнюю просьбу отца – разрешила позвонить маме, чтобы узнать, кто родился. Правда, в ответ на «чистосердечное признание» во всех смертных грехах. Мама сказала: «Мальчик». На этом разговор прервался. Через несколько месяцев отца расстреляли.

Я родился в июле, а в октябре арестовали мою красавицу-маму, актрису немого кино Рахиль Мессерер, знакомые называли ее Ра. Четырех месяцев от роду я оказался в Бутырской тюрьме, а в шесть месяцев нас отправили в знаменитый АЛЖИР, Акмолинский лагерь для жен изменников Родины. Добирались 22 дня в теплушке, меня передавали по рукам к окошку – глотнуть воздуха. В лагере я научился и ходить, и говорить, первыми моими словами были «Хочу за зону».

Когда мне было два с половиной, нас освободили и отправили на поселение в Чемкент, откуда прямо накануне войны нас буквально вырвала моя тетя, прекрасная балерина Суламифь Михайловна Мессерер, блиставшая в Большом театре и уже успевшая получить орден «Знак почета». Из Москвы нас эвакуировали в Свердловск, и вернулись мы с мамой, Аликом и Майей уже в 1943. Вот такое было начало.

Да уж... И все же, несмотря ни на что человек почти всегда умудряется

С кузеном Борисом Мессерером (из личного архива)
сохранять о детстве какие-то светлые воспоминания. Удалось ли это Вам?

Если честно, то не очень. Я рос без отца, от этого было много комплексов, прежде всего - ущербности. Жили мы, мягко говоря, трудно: мама из-за своего «волчьего билета» не могла работать, замуж она вторично не вышла, тянула нас троих. У меня никогда не было ничего своего, все донашивал за братом. Достался мне в «наследство» велосипед, так и тот украли! Да и элемент антисемитизма всегда присутствовал.

Впрочем, светлое воспоминание все же есть – из своей первой поездки в Манчжурию тетя Суламифь привезла целый плетеный чемодан прекрасных ярких игрушек – лично мне!

Учитывая окружение, в котором Вы росли, были ли балет и Ваше будущее в нем данностью?

Вовсе нет! Я вообще не собирался заниматься балетом и сначала поступил в Центральную музыкальную школу в класс фортепиано к Любове Дмитриевне Михайловой. Я отлично сдал экзамены, а ведь проверяли все – и слух, и ритмику, и спеть заставили, и попал в класс для одаренных детей, нас было 9 человек, среди них, например, Володя Ашкенази. Но проучился я там недолго – в 3-м классе упросил маму отдать меня в хореографию.

Среда заела?

И его женой Беллой Ахмадуллиной (из личного архива)

Вот именно! Впрочем, цель у меня была вполне определенная: очень хотелось скакать на лошадке в «Щелкунчике». В училище меня ждало много разочарований – данные у меня оказались не идеальные, очень надо было тянуться. А по-настоящему я увлекался тогда только моделированием самолетов, ходил в кружок при Дворце пионеров, познакомился с конструктором Александром Яковлевым (помните, самолеты ЯК?), он мне подарил моторчик внутреннего сгорания, который я завел в час ночи в нашей общей квартире... Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Но когда-то же балетное призвание проснулось?

Проснулось, классе в пятом или шестом. Закончил училище с дипломом с отличием по специальности, в Большом тогда было несколько вакансий, и ни у кого не было сомнений, что меня возьмут. Но тогда начались проблемы у Майи, и меня благополучно не взяли. Причем, как водится, по-хамски. Я пришел на 16-й подъезд, назвал свою фамилию, а мне говорят: «Вас в списках нет». Взяли только в 1957 году, в кордебалет. Первую сольную партию мне доверил Игорь Моисеев, ставивший в 1958 году «Спартак».

Но должна же была улыбнуться удача, должен был произойти перелом в судьбе?

Моей «удачей» стала знаменитая балерина Ольга Васильевна Лепешинская, которая, по рекомендации не менее знаменитого Преображенского, взяла меня в партнеры. В этом качестве я побывал с ней в многочисленных поездках – в Болгарии, во всех азиатских республиках, в первой поездке Большого театра в Китай...

Запомнились ли особо какие-то из этих поездок?

Пожалуй, две – очень разные и по разным причинам. Первая, в 1958 год

С Морисом Бежаром (из личного архива)

у, была продолжением поездки в Китай: администрация прямо на месте сформировала бригаду для выступления в Улан-Баторе. Мы прилетели, и встречал нас посол – уже опальный тогда Молотов. Я пожал ему руку и был даже где-то польщен. И только много лет спустя я узнал, что под расстрельным списком, в котором стояла фамилия моего отца, рядом с подписями Ворошилова и Кагановича стояла и его, Молотова, подпись.

А вторая?

Здесь все гораздо светлее. В 1962 я с труппой Большого театра впервые попал в Америку и познакомился со своими кузенами, детьми старшего брата отца, успевшего уехать. Общего у меня с ними было мало, но в Америке мне все понравилось – ярко, громко, необычно...

Азарий Михайлович, в Вашей полной событий жизни был и «кубинский период». Расскажите?

Конечно! Предложение поехать преподавать на Кубу поступило как раз после американского турне. Педагогикой я тогда уже серьезно увлекался, а в Большом мне ничего не светило. И вот в марте 1963 года я прилетел в Гавану, причем гардероб у меня было явно не по климату – нейлоновые американские рубашки. Однако задержался на целых десять лет. Сразу начал учить испанский, поступив на вечернее отделение филфака при университете. Кстати, «Доктора Живаго» я впервые прочитал по-испански! Потом уже освоил английский, французский и итальянский. Ну и к сигарам на Кубе пристрастился, как же без этого.

Давайте в

Дома, с Любочкой (© NG.ch)

се же подведем наш разговор к Бежару и Швейцарии...

Давайте, а то мы, правда, очень отвлеклись. С Морисом Бежаром я познакомился в 1978 году, когда он впервые приехал в Москву со своей брюссельской труппой, тогда она называлась «Балет XX века». Кстати, одним из первых педагогов он пригласил в нее моего дядю, Асафа Михайловича Мессерера, тоже в прошлом звезду Большого театра.

Когда в 1990 году закончился мой контракт в Испании, где я работал с Майей, поступило два предложения: от Джона Ноймайера в Гамбург и от Мориса Бежара в Лозанну. Второе перевесило – и Бежара я лучше знал, и Лозанна мне очень понравилась за те недолгие периоды, что я проводил здесь в качестве члена жюри международного конкурса Prix de Lausanne. Была и чисто субъективная, глупая, наверно, причина – в роскошном помещении школы в Гамбурге была лестница с литьем в форме свастики. И как представил я, что буду каждый день по ней подниматься...

Так что с Балетом Бежара Вы уже почти 20 лет. Не надоело?

Ну что Вы! Работа с молодежью очень мобилизует, не дает расслабляться,

И снова за работу(© NG.ch)

стареть... И потом, за это время Бежар несколько раз меня «отпускал»: то в Японию, где я ставил «Дон Кихота», «Ромео и Джульетту» и «Даму с камелиями», то в США – поработать в Нью-йоркском городском балете и в Американской школе балета. Так что все отлично.

Через Ваши руки, глаза, сердце проходят десятки начинающих танцоров, и каждый из них мечтает о славе. Как Вы думаете, станет ли кто-то из Ваших сегодняшних подопечных настоящей звездой?

Знаете, балет – самое нерациональное вложение времени и денег, недаром кто-то метко сказал, что артист балета это не профессия, а диагноз. Сейчас в школе Балета Бежара 35 учеников из более десятка стран, в том числе, два российских мальчика и одна девочка. После двух лет мучений – а занятия здесь каждый день с 9 утра до семи вечера – одного, ну, максимум, двух счастливцев возьмут в труппу. А остальные – устраивайся, как знаешь. И даже если удастся сделать карьеру, она такая недолгая...

Чего, на Ваш опытный взгляд, не хватает современным танцорам?

Вдохновения! Сегодня мишура очень отвлекает, внимание рассеивается. Все доступно – в Интернете можно найти любую вариацию, сто раз ее просмотреть, все заучить. Техника растет, но вдохновение, самобытность – редкость невероятная. Одним словом, танцоров много, а талантов мало. И именно этим продолжает покорять и подкупать русская балетная школа – своей душевностью! В сочетании с безупречной техникой, конечно.

От редакции: 24 мая Азарий Плисецкий улетел в Казахстан на открытие Мемориала на месте бывшего АЛЖИРА, где прошло его самое раннее детство. А получить представление о том, как проходят уроки в Школе Балета Бежара Вы сможете, посетив нашу [фотогалерею](#).

[Азарий Плисецкий](#)
[Майя Плисецкая](#)
[балет](#)

Статьи по теме

[Гимн Бежару](#)

Source URL: <https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/9872>